

XIV

1539 с. в.

Н. Ефимовъ.

Литературные наброски
погибши Дерюжкова
(+15 июля 1841-1916 г.).

XIV

XIV. 1539. c. l.

4-XIV-A
3314.

4-XIV-A
3314

XIV. 1539. c. л.

*В библиотеку
Тюльевской Университета
от автора.*

Н. ЕФИМОВЪ.

Литературные наброски.

Памяти Лермонтова.

(† 15 июля 1841—1916 г.).

212782356

Поэтъ, писатель, между прочимъ, тѣмъ отличаются отъ простыхъ смертныхъ, что, кромѣ обыкновенной наслѣдственной обремененности и зависимости отъ общей жизненной среды, они несутъ въ себѣ, въ своемъ творческомъ сознаніи, бремя словесно-художественнаго прошлаго, литературной традиціи и воздѣйствія современной литературной атмосферы, направляющихъ литературныхъ теченій момента, творять подъ знакомъ родныхъ и иноземныхъ, былыхъ и настоящихъ поэтическихъ вдохновеній, а каждый великій поэтъ и писатель тѣмъ недосыгаемо превосходитъ своего посредственнаго, рядового собрата, что онъ— не простое эхо другого, не рабски подчиняется своимъ литературнымъ образцамъ, но свободно и властно распоряжается заимствованнымъ поэтическимъ добромъ для лучшаго достиженія личныхъ поэтическихъ цѣлей, преобразуетъ его соответственно своему индивидуальному художественному дару и общему характеру своего оригинальнаго творчества, претворяетъ чужое въ свое собственное и тѣмъ возрождаетъ его къ новой жизни, открываетъ новые поэтические міры. Нечего и говорить, что такимъ великимъ поэтомъ, самобытно и безъ ущерба для своей самобытности переработавшимъ воспринятый изчужа поэти-

ческій матеріалъ, и былъ Лермонтовъ. Къ
недавней 100-лѣтней годовщинѣ со дня рожде-
нія поэта и отчасти въ связи съ нею изслѣ-
дованіе, распознаніе чужого въ его творчествѣ
значительно подвинулось впередъ (см. работы
Галахова, Спасовича, Дашкевича, Висковатаго,
Котляревскаго, Zdziechowskiego, Веселовскаго,
Duschesne'a, Федоровскаго, Неймана, Л. Семенова,
Владимірова, Мендельсона, Замотина, Розанова,
Шувалова, Фишера, Родзевича, Прохорова) и
выявило длинный списокъ писателей, такъ
или иначе отразившихся въ лермонтовской
поэзіи. Твердо установлено, что Лермонтовъ и
созданный имъ типъ крайняго индивидуали-
ста, страдающаго отъ неразрѣшенности вопро-
совъ міровой жизни и бытія человѣка, нахо-
дятся въ самомъ близкомъ родствѣ съ ти-
помъ мірового скорбника—индивидуалиста
западно-европейскихъ литературъ. Поэтъ и
его герои во многомъ напоминаютъ и Руссо,
и Карла Моора—Шиллера, и Вертера—Гете, и
шатобриановскаго Реня съ его разновидностями
(напр., Адольфомъ—Бенжамена Констана, Окта-
вомъ—Альфреда де-Мюссе), но, главнымъ обра-
зомъ, героевъ Байрона. При первомъ лепетѣ
своей юной музы Лермонтовъ присягнулъ
Байрону и поэтическое подданство ему вѣрно
сохранилъ на всемъ протяженіи своего столь-
же кратковременнаго, сколь и блестящаго
поприща. Геній британскаго „своенравнаго
чародѣя“ почиетъ у Лермонтова на его образѣ
демоническаго героя, питаетъ въ самомъ поэтѣ
его ненависть къ людямъ и отрѣшенность отъ
нихъ, убѣжденіе въ своемъ высококомъ „избран-
ничествѣ“, сверхчеловѣчествѣ и досрочномъ
ужасномъ концѣ, вѣру лишь въ себя и гордый
аристократическій индивидуализмъ, подсказы-
ваетъ темы художественныхъ произведеній,
компановку пьесъ, отдѣльныя мысли, а часто
и выраженія. „Байронизмъ“ Лермонтова объ-

ясняется не однимъ тѣмъ, что Байронъ былъ неотразимый „властитель думъ“ цѣлой Европы, захватившій въ русло своего вліянія и русскую литературу въ лицѣ Батюшкова, кн. Вяземскаго, И. Козлова, В. Пушкина, Плетнева, Жуковскаго, Грибоѣдова, Рылѣева, особенно А. С. Пушкина, Бестужева-Марлинскаго, Полежаева и автора „Демона“, но и рѣдкою конгеніальностью обоихъ, замѣчательнымъ сходствомъ ихъ поэтическихъ натуръ, внутреннимъ предрасположеніемъ Лермонтова къ скорбнымъ и рѣзкимъ мотивамъ лиры Байрона. Лермонтовъ не былъ только подражателемъ увлекшаго его лорда—онъ родился уже со всѣми задатками байроническаго настроенія и весьма многими чертами душевной организаціи Байрона. Ихъ роднитъ и насыщенное самолюбіе, и страстная жажда свободы, и неукротимый мятежъ духа, и грезы объ исключительномъ призваніи, и способность нѣжитья въ грусти, и протестъ противъ пошлой будничной морали. Быстро созрѣвшій и обладавшій психологическою прозорливостью, Лермонтовъ самъ ясно постигалъ свое духовное родство съ гигантомъ европейской литературы, когда въ 1830 г., прочитавъ жизнь Байрона, написанную Муромъ, говорилъ:

„Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки“...

Вотъ почему, хотя Лермонтовъ и подражалъ Байрону, улавливая въ себѣ созвучныя съ нимъ струны, нельзя, однако, въ виду того-же единосущія ихъ тревожныхъ душъ, спѣшить съ приговоромъ о „подражательности“ Лермонтова тамъ, гдѣ кажушіяся байроническими мысли и чувства нашего поэта могли у него возникнуть совершенно независимо отъ Байрона. Упорство Лермонтова въ обрисовкѣ

разъ навсегда облюбованнаго типа, очень близкаго къ типамъ Байрона, достаточно свидѣтельствуешь, что этотъ постоянно повторяющійся образъ выросъ свободно изъ нѣдръ его собственного мятежнаго и опечаленнаго духа, былъ самороднаго происхожденія, а никакъ не навѣянъ извнѣ. Во всякомъ случаѣ въ ослѣпительной и мощной поэзіи Байрона муза Лермонтова обрѣла не рабство, не послушаніе производимымъ ею обаятельнымъ внушеніямъ, но то, что составляетъ вѣнецъ вліянія художественнаго и умственнаго: чудодѣйственное возбужденіе къ свободѣ, широтѣ полета, торжество самостоятельности. Родственный Лермонтову по всему складу личности и таланта, англійскій поэтъ помогъ ему, какъ никто другой, найти самого себя, почувать въ себѣ „байроническое“, сознательно пойти своей дорогой, подкрѣпилъ его поэтическое настроеніе своимъ идейно-психологическимъ согласіемъ съ нимъ. Въ байроновской школѣ Лермонтовъ созрѣлъ именно какъ Лермонтовъ, а не какъ второй Байронъ, не уклонился въ сторону отъ того пути, который былъ уготованъ его собственному колоссальному таланту. Вопросы объ отношеніи Лермонтова къ Байрону разсматриваютъ нѣсколько работъ. Спасовичъ въ своей блестящей, но парадоксальной статьѣ „Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова“ (В. Евр., 1888, IV), умаляя творческую индивидуальность Лермонтова, грѣшитъ преувеличеніемъ вліянія на него Байрона. Но уже А. Григорьевъ отказывался объяснять лермонтовскую поэзію всецѣло вліяніемъ Байрона, догадываясь о байроническомъ строѣ души его русскаго собрата. Опредѣленно высказалъ послѣднюю точку зрѣнія въ своихъ „Этюдахъ о байронизмѣ“ Алексѣй Н. Веселовскій („Эт. и хар.“, I); изъ современныхъ изслѣдователей проводятъ ее акад. Н. Котляревскій въ

своей прекрасной и вдумчивой книгѣ о Лермонтовѣ, проф. Розановъ (юб. сб. „Въноскъ Лермонтову“), Бальмонтъ („Горныя вершины“, кн. I), проф. Прѣхоровъ („Л. и его знач.“), Родзевичъ (Фил. Зап., 1915) и др., такъ что положеніе о байроничности натуры Лермонтова, объ его внутренней подготовленности къ принятію вліянія Байрона надо считать теперь общепризнаннымъ. Для правильнаго сужденія о вліяніи Байрона на Лермонтова, кромѣ конгеніальности обоихъ поэтовъ, слѣдуетъ помнить и отношеніе русской дѣйствительности къ байронизму. Дѣло въ томъ, что культурныя и общественныя условія нашей жизни (слабость индивидуалистическаго развитія, отсутствіе цанныхъ для возникновенія міровой скорби и т. д.) не позволяли байронизму двориться у насъ во всей его глубинѣ и подлинности и ограничивали его дѣйствіе на русское общество преимущественно чисто внѣшней, показной стороной. Когда русскіе писатели-байронисты пытались создавать литературные типы въ стилѣ Байрона, они, чтобы не отступать отъ жизни во имя прочно утвержденнаго Пушкинымъ реализма или не быть слишкомъ субъективными, т.-е. опять-таки въ значительной мѣрѣ не реальными по своему художественному методу, поневолѣ отступали отъ истинной сущности байронизма и не достигали полнаго подобія типамъ Байрона. Отъ западноевропейскаго русскій байронизмъ разнится въ общемъ тѣмъ, что, противопоставляя личность и общество, онъ безсиленъ заставить личность, бросивъ перчатку обществу, рѣшительно порвать съ нимъ, причемъ самый вызовъ обществу диктуется не столько озлобленіемъ на людской родъ за это несовершенство, альтруистической скорбью объ идеальномъ мірѣ и человѣкѣ, сколько личными, эгоистическими мотивами, страданіями на почвѣ любви,

наиболѣе индивидуальнаго, антиобщественнаго чувства. Благодаря своему сродству съ Байрономъ, Лермонтовъ ближе всѣхъ русскихъ байрониковъ подошелъ къ настоящему содержанию байронизма, но все-таки и онъ культурно-исторически, вслѣдствіе связанности рамками русской дѣйствительности, несоизмѣримой съ ширью охвата байроновской мрачной философіи, которая имѣла объектомъ цѣлый міръ, былъ не властенъ воспроизвести байронизмъ во всей его идейной и художественной концепціи, стать пѣвцомъ углубленной и законченной, а не недоразвившейся міровой скорби, подлиннымъ русскимъ Байрономъ. Любопытно, что годъ спустя послѣ признанія въ себѣ одинаковой съ Байрономъ души самъ Лермонтовъ какъ бы въ раздумьѣ говорить:

„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,

Еще невѣдомый избранникъ—

Но только съ русскою душой“.

Поправившись въ одномъ, Лермонтовъ, впрочемъ, ошибся въ другомъ: онъ не сдѣлался Байрономъ, но и русское, національное, племенное не прошло размахистой волной по его поэзіи. Онъ, дѣйствительно, „невѣдомый избранникъ“, самостоятельная личность. Онъ вдохновлялся не исключительно Байрономъ и не безусловно слѣдовалъ ему. Байронъ, какъ извѣстно, представляетъ собою протестующій и непримиримый романтизмъ, который отрицаетъ религію, Божество и исповѣдуетъ лишь культъ сильной и гордой личности, чуждой какого-либо сожалѣнія, сомнѣнія и смиренія; крайній индивидуализмъ и неизбывный, безпросвѣтный пессимизмъ характеризуютъ его міросозерцаніе и поэзію. Лермонтовъ явился въ русской литературѣ наиболѣе точнымъ пе-

редатчикомъ байроническаго романтизма: какъ и у Байрона, свобода личности переходить у него въ яркій индивидуализмъ, а конфликтъ между идеаломъ и дѣйствительностью приводитъ къ сомнѣнію въ области этики и религіи, завершающемуся тягостнымъ пессимизмомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ поэтъ всегда и въ послѣдніе годы своей укороченной жизни даже съ перевѣсомъ надъ Байрономъ тяготѣлъ въ сторону нѣмецкаго и французскаго романтизма: склонность къ размышленію, раскаянію, потребность примиренія съ Богомъ и міромъ подъ конецъ, очевидно, начали пересиливать въ его истомленной душѣ демоническое отрицаніе и титаническіе порывы. Вліяніе французскихъ романтиковъ въ творествѣ Лермонтова отмѣчали и бѣгло и въ новѣйшей научной литературѣ болѣе подробно, спеціально многіе изслѣдователи: Галаховъ, Спасовичъ, Веселовскій, Дашкевичъ, Болдаковъ, Головинъ, Duschesne, Шуваловъ, Родзевичъ, Прохоровъ и др. По мнѣнію Родзевича и Прохорова, безпощадный морализирующий анализъ Печоринымъ своихъ узко-личныхъ переживаній, постоянный возвратъ къ своему „я“, то, что акад. Овсяннико-Куликовскій обозначаетъ словомъ „эгоцентризмъ“, вѣра въ свою „фатальность“, обреченность судьбою быть носителемъ зла и нѣкоторая рисовка этимъ въ отношеніяхъ къ женщинамъ, выражающаяся въ жалобахъ имъ на свою неспособность къ любви жертвующей, смѣсь самоосужденія, призванія себя лишнимъ, бесполезнымъ человѣкомъ и въ то же время натурой высшаго порядка, съ необъятной душой, сближаютъ лермонтовскій типъ не съ байроновскимъ, а съ французскимъ разочарованнымъ романтикомъ à la Ренэ Шатобріана. Сомнѣніе и сожалѣніе, знаменующія уклонъ отъ Байрона, выступаютъ у Лермонтова и на вершинѣ его байронизма—въ образѣ демона,

отвергающаго все прошлое и готоваго «вѣрить и любить». Достоинъ вниманія, что видный знатокъ Байрона проф. Zdziechowski („Byron i jego wiek“) находитъ въ природѣ поэтическаго гения Лермонтова вообще большое сходство („такъ много общаго“) съ Шатобрианомъ: какъ и тотъ, нашъ поэтъ „отъ чувственныхъ увлеченій переходилъ къ религіозной грусти (od czalu smysłowego wpadał w religijne roztesknienie)“, какъ и у того, у Лермонтова „съ мечтательностью соединялась чувственность“, неодолимо тянувшая его въ свои бездны съ тѣхъ высотъ звѣзднаго идеализма, съ которыхъ глядѣлъ поэтъ на вѣчную тоску бытія. Близость къ типамъ нѣмецкой и французской романтики, но, главнымъ образомъ, къ Байрону образуетъ поэтическую индивидуальность Лермонтова и опредѣляетъ его мѣсто и значеніе въ исторіи русской литературы. Пришелецъ съ Запада по своей генеалогіи (ср.: „на западъ, на западъ помчался бы я, гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля..“), питомецъ его-же по источнику романтическихъ вдохновеній, Лермонтовъ—могучее связующее звено русской литературы съ литературой западно-европейской и міровой.

Н. Ефимовъ.

Оттискъ изъ № 160 „Рижскаго Вѣстника“ за 1916 г.

Тип. Г. Цирка, Юрьевъ.

XIV

1539^{cc}